

ЕЛЕНА ДОНЦОВА

NEW

КРИМИНАЛЬНЫЙ ТАЛАНТ

ТЮРЬМА ДЛЯ ТЫСЯЧИ КУКОЛ

Зверь тогда не знал, что этим убийством
подписал себе смертный приговор!

Елена Донцова

Тюрьма для тысячи кукол

«Центрполиграф»

2011

Донцова Е. Д.

Тюрьма для тысячи кукол / Е. Д. Донцова — «Центрполиграф»,
2011

С закрытием Комбината спокойная и размеренная жизнь Лады кончилась. Ее мать сумела устроиться горничной в дом местного крупного бизнесмена, и поначалу семья радовалась обилию денег и подарков. Но вскоре случилась трагедия: женщину по навету арестовали за кражу, и она умерла, не перенеся позора. Отец Лады решил отомстить богатому убийце и поджег роскошный особняк, не подозревая, что помимо хозяина в доме находились невинные люди. Месть вышла на новый круг, и спустя много лет Ладе предстояло снова встретиться с обидчиком...

Елена Донцова

Тюрьма для тысячи кукол

«ЗАГАДОЧНОЕ САМОУБИЙСТВО ВЛЮБЛЕННЫХ НА МОСТУ ЧЕРЕЗ ВОЛГУ»

Сегодня около 5 часов утра проезжавшие по мосту водители и их пассажиры стали свидетелями душераздирающей сцены. Неожиданно на мосту появился мужчина с девушкой на руках. Мужчина стремительно перемахнул через перила и несколько секунд балансировал на узком парапете. Девушка, по свидетельствам очевидцев, крепко обнимала его рукой за шею и не делала попыток освободиться. Возникла стихийная пробка. Водители выскакивали из машин в надежде остановить безумцев. Но не успел первый человек приблизиться к странной парочке, как мужчина шагнул с моста вниз. Высота моста и глубина реки в этом месте, увы, не оставили никаких надежд на спасение безумцев. Тело мужчины уже найдено водолазами. Поиски девушки продолжаются. Просим всех, кто знает хоть что-то о личности самоубийц или о причинах этой страшной трагедии, позвонить по следующим телефонам...»

* * *

Самый счастливый день в жизни шестилетней Лады стал днем начала катастрофы, почти до основания уничтожившей ее семью. Но тогда она была слишком мала, чтобы связать воедино начало и конец...

Будни начинались всегда одинаково. На рассвете, когда особенно сладко спится и приходят самые интересные сны, в комнату входил старший брат и без всяких предварительных разговоров срывал с нее одеяло, уносил его в прихожую и закидывал комом в шкаф на самую высокую полку. От неожиданного холода Лада подскакивала на кровати, съезживалась, обнимала руками колени – и только тогда просыпалась. Всякий раз слезы против воли наворачивались на глаза, из груди рвались горькие всхлипы. Но плакать было бесполезно, так же как пытаться заползти под подушку и еще пару минуточек подремать в тепле. Брат и водой ледяной обрызгать мог, если хорошенько разозлится...

И Лада сползала с кровати. Дрожа от утреннего озноба, кое-как натягивала на себя одежду и шла будить другого брата, четырехлетнего Мишу. Это было нелегкое дело. Она могла бы, подражая старшему, сорвать с младшенького одеяло, вытащить его из кровати – но никогда так не поступала. Хотя разница между ними была всего два года, в отсутствие матери Лада считала себя Мишенькиной мамой и бывала с ним безгранично ласкова и терпелива. Она гладила малыша по пухлой щечке, ерошила волосы, дула на влажный со сна лобик и всячески старалась сфокусировать на себе его сонный взгляд. Вставать Миша категорически не любил и поэтому каждое утро рыдал на всю квартиру, горько и сердито. А Лада, по-взрослому вздыхая, утирала ему нос и потихоньку одевала прямо в кровати.

Потом следовал торопливый завтрак под обстрелом недовольных взглядов и понуканий старшего, Темы. Наскоро запихав в себя остывшую кашу, Лада вприпрыжку неслась в прихожую одевать младшего и одеваться самой. Все втроем они выходили, а точнее, выбегали из подъезда и мчались в конец улицы до ворот детского сада. Здесь Артем их оставлял и, расправив плечи, неторопливой и уверенной походкой отправлялся в сторону школы. А Лада отводила Мишу в среднюю группу, сдавала с рук на руки воспитательнице, а сама устало плелась к себе в старшую.

Такая кутерьма и нервотрепка продолжалась пять дней в неделю. И первое, чему выучилась в своей жизни Лада, – это считать по пальцам до пяти. Теперь она давно уже считала в уме до тысячи, но каждое утро, вскакивая с постели, всегда зажимала на одной руке столько

пальцев, сколько дней недели уже прошло. А на другой – сколько осталось до субботы. Так ей было легче дожидаться выходных.

* * *

В субботу можно было спать долго, пока самой не надоест. Старший брат рано утром уходил в школу, мать с отцом – на продуктовый рынок. Зимой до их возвращения Лада никогда не выползала из-под одеяла. Сладко было дремать в сумрачном полумраке до той поры, пока мама не подходила к кровати и не трясла ее тихонько за плечо. От матери веяло уличным холодом, она смеялась, называла дочку медвежонком и маленькой засоней. Миша в такие дни вставал самостоятельно даже раньше сестры. Он любил покушать и всегда ожидал родителей на кухне, сгорая от нетерпения первым увидеть, что они принесли с рынка, сунуть нос в сетки и пакеты.

Да, суббота была просто замечательным днем! Сначала Лада помогала маме готовить обед, потом они все вместе – старший брат к тому времени уже возвращался из школы – сидели за стол. После обеда отец обычно ложился вздремнуть на диване в большой комнате, братья в детской занимались своими делами, а Лада на кухне сидела с матерью, и та между делом учила ее всяким полезным вещам. Показывала, как штопать носки, как вязать шарфики и вышивать свои инициалы на носовых платках. А однажды даже показала, как можно написать письмо молоком, а потом подержать чистый вроде бы лист над плитой – и на нем проявятся волшебным образом коричневые, пахнущие горелым молоком буквы.

Воскресный день всегда бывал суматошным. Мама готовила еду на всю неделю и больше не звала Ладу в помощницы. Отец с недовольным видом пылесосил ковер и делал мелкие хозяйственные дела. Однажды Лада спросила маму, на кого она всегда сердится по воскресеньям, и та ответила, усмехнувшись:

– Сержусь, потому что на работу завтра идти не хочется.

Лада сочувственно вздохнула. Ей тоже до жути не хотелось опять на рассвете тащиться в садик, а ведь родители постоянно твердили ей, что детский сад и школа – это такая особенная детская работа. Так что Лада мать с отцом очень хорошо понимала и на них ни чуточки не обижалась.

Но однажды все изменилось. Утром сквозь сон Лада почувствовала на лбу мамину руку и слышала ее шепот:

– Доченька, покушаешь со мной и папой или еще поспишь?

У Лады сами собой зажались три пальца на руке. Это значило, что сегодня никак не могла быть суббота. В недоумении она захлопала ресницами и спросила:

– Что, разве сегодня праздник?

– Праздник, – ответила мать каким-то странным голосом и усмехнулась: – Вроде того.

Лада тут же с удовольствием встала и позавтракала вместе с родителями. Миша, конечно, тоже сидел за столом. Он-то, в отличие от сестры, ничему не удивлялся и выглядел очень довольным. После завтрака мать вдруг предложила прогуляться по району, и отец – вот удивительно – не стал возражать.

Все вместе они вышли на улицу и увидели белые сугробы, которых еще вчера не было и в помине. В сознании девочки неожиданный праздник каким-то образом связался с первым снегом. Лада с Мишенькой первыми начали катать шары для снеговика, а родители присоединились к ним, и работали так весело и дружно, что заканчивали уже вдвоем, а Лада с братом только хохотали и хлопали в ладоши, наблюдая, как отец мастерит снеговика панаму из носового платка, а мама с серьезным видом примеряет толстяку свои очки.

Но и на этом чудеса не закончились. Отец вдруг повел их обедать в кафе. Такого на Ладиной памяти еще не бывало, и она была поражена, когда мама стала вслух читать ей названия разных блюд из бордовой книжицы, и оказалось, что любое из них можно выбрать и заказать. Сквозь приоткрытую дверь на кухню девочка видела стоящую на плите большую кастрюлю. В голове у Лады сразу возникла волшебная картинка: тетя в белом переднике колдует над кастрюлей, и оттуда появляется та еда, какую закажешь.

После обеда они пошли встречать из школы Артема, а потом по дороге к дому все вместе еще немного погуляли. И дома мама не встала сразу к плите, а почти до ночи сидела в детской комнате и делала все, о чем ее просили. Даже ползала по ковру, самоотверженно строя вместе с Мишенькой из ручек и карандашей железную дорогу.

Правда, назавтра Ладу снова повели в детский сад. Но на этот раз будила ее мама, а значит, обошлось без утренних слез. Миша оставался дома – он слегка простыл во время вчерашней прогулки, и ночью, объяснила мать, затемпературил. Лада слегка разозлилась на брата, но успокоилась, едва оказалась на детсадовской территории: играть и гулять с группой общительная девочка очень любила, и в общем посещать садик ей нравилось – если забыть про ранний подъем.

– А слыхала, Ладка, что Комбинат закрылся? – сказал ей Витя Середин, самый серьезный мальчик в группе, с мрачным видом ковыряясь палкой в сугробе. – Мамка и батя теперь дома сидят.

«Комбинат» – это слово Лада слышала с самых ранних лет. Каждое утро ее родители скрывались за высоким черным забором и ворота с хищным звуком захлопывались за их спиной. Но ровно в шесть эти ворота снова открывались, выплевывая бесконечные толпы людей обратно в город. Лада никогда не бывала на Комбинате и не знала, что там делается. Да ей и в голову не приходило спрашивать об этом. Комбинат был как данность – возник задолго до ее рождения и будет существовать вечно...

Когда Лада услышала, что Комбинат закрылся, ее сердечко заныло в непонятном предчувствии.

– А когда откроется? – спросила она всезнающего Витю.

– Батя говорит, что Комбинату – каюк, – сказал мальчик и пояснил, заметив широко распахнутые глаза Лады: – Никогда уже не откроется, вот.

Лада глубоко задумалась и до конца прогулки просидела на скамейке, прижимая к груди любимую зеленую лопатку. В ее душе поселилась тревога.

Неприятные перемены не заставили себя ждать. Однажды Лада уже заснула вечером, но вскочила на постели, услышав в прихожей громкий и какой-то странный голос отца. Кажется, отец ругался на кого-то, а мать шепотом пыталась его утихомирить и все повторяла умоляющим голосом:

– Гриша, пожалуйста, не пугай детей!

Но отец не затихал, и до Лады донеслись слова, произносить которые ей самой запрещалось под страхом немедленной порки. И вдруг она догадалась – отец напился. Девочка, конечно, много раз видела на улицах их маленького городка пьяных людей, привычно шаркалась от них, но никогда не думала, что такое может произойти с ее папкой. И от страха она накрыла голову подушкой, стараясь сделаться незаметной на случай, если отец ворвется в детскую. Но мать увела его в глубь квартиры, и до поздней ночи Лада прислушивалась к непривычным, пугающим звукам с кухни и из ванной.

На другой день была суббота, но родители вопреки традиции не поехали на рынок. Проснувшись, Лада слышала шорохи из прихожей, вскочила и босиком бросилась туда. И поймала мать в последний момент – та уже прикрывала за собой дверь.

– Мама! – вскрикнула девочка, цепляясь за подол ее пальто. – Куда ты?!

– В магазин, детка, – рассеянным голосом отвечала мать. – Ложись, поспи еще, а я скоро приду.

– А почему не на рынок?

– На рынок? – отчего-то удивилась мать. – Да мы не собирались... И отец еще спит.

– Возьми меня с собой! – стала умолять Лада, изо всех сил удерживая мать. Впервые в жизни ей было пронзительно страшно оставаться в квартире с отцом.

– Да зачем тебе? На улице холодно, метель, – принялась отговаривать ее мама, но потом все-таки уступила отчаянным мольбам и помогла дочери теплее одеться.

Вдвоем они вышли на заснеженную улицу, удивительно пустую и темную. И побрели, согнувшись в три погибели, чтобы спрятаться от бьющего в лицо ветра с колючим снегом. Идти далеко не пришлось. Через квартал мать завела Ладу в небольшой магазинчик, который девочка очень любила: сюда они обычно заходили перед праздниками, чтобы купить сладкое к столу. Велела подождать ее у двери, а сама неуверенным шагом пошла к прилавку.

Лада крутилась на месте, разглядывала витрину со сладостями. А потом вдруг услышала разговор. Продавец, пузатый дядька в годах, с веселыми глазами, похожими на желтые карамельки, сокрушенным голосом говорил матери:

– Не могу я, Любовь Андреевна. Ужасно сожалею, но – не могу. Весь город в долг живет. Вы не поверите, но я уже три дня не видел наличных денег. Посмотрите на мои витрины – там же ветер гуляет. Если так пойдет, через неделю с треском прогорю. Да что там говорить – вы и сами не хуже меня знаете, что творится в городе.

– Что же мне делать? – тихо, ни к кому не обращаясь, проговорила мать. – Мне ведь нужно чем-то кормить детей...

– Ужасно вам сочувствую, Любовь Андреевна, – прикрывая глаза и сжимая на груди пухлые пальцы, проговорил продавец. – Сам скоро по миру пойду.

Они так и вышли из магазина, как пришли, – налегке. Лада боялась и не смела спросить мать, почему продавец не позволил им ничего купить, а мать не объясняла, наверно, думала, что Лада ничего не услышала. Шла мать молча, высоко подняв голову, и рука, в которой она держала озябшую ладошку дочери, то и дело судорожно сжималась.

Лада росла девочкой наблюдательной. Она замечала малейшие перемены в настроении родителей и тяжело переживала любые неприятные перемены в их отношениях. Хотя отца и любила, но всегда была на стороне матери. Вот только показать матери свои чувства она не умела. Всякий раз на нее словно столбняк напал, и было невероятно трудно, невозможно обнять мать, спросить, из-за чего она грустит, отвлечь разговором. Напротив, в такие моменты Лада делалась просто невыносимым ребенком.

Вот и сейчас так произошло: ее сердечко разрывалось от сочувствия и жалости к маме, а в тело словно чертик вселился – хотелось немедленно заорать, убежать от матери, сделать что-нибудь, что наверняка ее разозлит.

– Не пойду домой! – противным голосом завела она во дворе дома, в двух шагах от подъезда. – Гулять хочу.

– Ты еще не завтракала, – ровным голосом напомнила мать, выныривая из пучины своих безрадостных мыслей. – А потом, сама посмотри, ну кто же гуляет в такую метель? Тебя через пять минут снегом заметет. Пойдем, солнышко, не расстраивай маму.

– Не пойду! – еще громче заныла Лада. – Там папа! Я не хочу, когда он такой! Я вообще больше домой не пойду!

Закончилось тем, что мать за шиворот втащила вопящую дочь в квартиру и поставила на весь день в угол. Правда, через полчаса позвала за стол, а после этого о наказании словно забыла. Но Лада все равно до вечера дулась и не разговаривала с родителями, а заодно и с братьями.

Следующее воспоминание Лады связано с событиями позднего вечера, почти ночи. Ее разбудили родительские голоса, доносящиеся с кухни. Лада проснулась и тут же задрожала от мысли, что отец опять пришел домой пьяный. Прислушалась: нет, голоса звучали вполне нормально, только очень уж сердито. Стало ясно, что родители ссорились. А это было плохо, но все-таки терпимо.

Уснуть Лада уже не могла. Ей нужно было во что бы то ни стало знать, что происходит между мамой и отцом. Не собираются ли они, к примеру, развестись, как уже случилось у половины ребят из ее группы. Она встала, на цыпочках пробежала по коридору и бесшумно нырнула за дверь ванной. В стене между кухней и ванной было небольшое оконце, затянутое клеенкой, и каждый звук был отчетливо слышен.

– Я запрещаю тебе, Люба, – сердито и в то же время как-то растерянно говорил отец. – Подумай, для того ли ты училась, трудилась, зарабатывала авторитет, чтобы подтирать грязь за каким-то уголовником.

– Не говори глупостей, Гриша, – отвечала мать, и по голосу было ясно, что она давно все решила и отцовский запрет для нее значит не больше, чем капризы Лады или Мишеньки. – Нам с тобой нужно кормить наших детей. И нет ничего ужасного в том, что работу удалось найти мне, а не тебе. Я сама знаю, что в нашем городе больше нет работы для мужчин, а горничной ты работать никак не можешь. Когда мы переедем в Питер, работать будешь ты, а я с удовольствием посижу дома. Ладе в сентябре в первый класс идти, я и сама планировала хотя бы полгода не работать. Но сейчас нам нужны деньги на переезд. И кстати, от твоей сестры до сих пор нет ответного письма.

– Люба! – Голос отца сделался умоляющим. – Почта сейчас работает из рук вон плохо! Я завтра же пошлю Грете срочную телеграмму, приглашу на телефонные переговоры. Это ускорит дело. Я даже попрошу у нее взаймы денег на переезд! Наплевать, одним унижением больше, одним...

– Гриша! – по слогам произнесла мать. – Ты что?! Ну пришлет твоя сестрица денег на переезд, ну управимся мы за месяц! Но ведь дети хотят есть каждый день! Мы бы с тобой еще могли как-то ужаться, но они? Через неделю у нас положение будет, как в сказочке!

– В какой сказочке? – тихо спросил отец.

– Да в той самой, где родители детей в лес отвели, потому что не знали, чем их кормить! Так что успокойся и пойми, что ничего за пару месяцев работы в том доме со мной не случится. И еще, Гриш, я очень надеюсь на тебя: я буду приходить домой раз в неделю, дети и хозяйство будут полностью на твоих плечах. Пожалуйста, не подводи меня.

– Люба! – укоризненным тоном отозвался отец и даже закашлялся от смущения. – Я ведь тебе обещал! К тому поганому делу я больше никогда не вернусь, это без вариантов...

Лада вдруг почувствовала, что ноги больше не держат ее. То ли окоченели на ледяном полу, то ли так напугал ее разговор родителей. Лада пробралась в детскую, рухнула на постель и тихонько заплакала в подушку...

На рассвете ее разбудила мать. Лада с трудом открыла слипшиеся от слез ресницы, поглядела на мать – и ужаснулась. Та наклонялась над ней уже полностью одетая, причесанная, как на выход. Кровати братьев пустовали. Вчерашний страх и ночные кошмары разом вернулись, и девочка закричала, цепляясь за материнскую руку:

– Мамочка, я не хочу в лес, не отводи меня!

– В какой еще лес? – отпрянула мать. – Ты что, Ладуша? Приснилось что-то страшное?

– Куда родители детей отводят, когда их кормить нечем, – растолковала матери Лада. – Мамочка, честное слово, я могу совсем ничего не есть, правда!

Мама пару секунд смотрела на нее потрясенным взглядом, а потом расхохоталась:

– Понятно, опять подслушивала в ванной. Господи помилуй, Лада, как можно быть такой глупенькой? Разве я тебе не говорила, что в жизни обычно все по-другому? Да мы бы с твоим папой сами ушли в лес и сгнули там, лишь бы вы были здоровы и сыты. Но, слава богу, это не понадобится. Сегодня я выхожу на новую работу. Меня не будет целую неделю, и я бы хотела, чтобы мы напоследок все вместе позавтракали.

После этих слов Лада успокоилась, быстро оделась и присоединилась к родителям и братьям. Отец сидел за столом бледный, печальный и часто вздыхал, зато мать просто сияла и без конца спрашивала детей, не хочет ли кто добавки. На завтрак в тот день были сырники с изюмом.

Первая неделя без мамы показалась Ладе бесконечной. Отец очень старался, чтобы дети не страдали без материнского надзора. Он даже сам будил их по утрам и пытался по поваренной книге приготовить всякий раз что-нибудь новое. Получалось не слишком удачно, зато из дому отец почти не выходил, и Лада скоро забыла свой страх и недоверие к нему. А через неделю появилась мать, нагруженная подарками, и Лада окончательно убедилась, что все в ее жизни снова хорошо и даже замечательно.

Послеобеденный сон в детском саду девочка просто ненавидела. Заснуть почти никогда не удавалось, приходилось бесконечно долго лежать с закрытыми глазами и притворяться спящей, когда так хотелось поболтать с соседкой или хотя бы попрыгать на сеточной кровати, как на батуте. Но страшно, что во время полдника придется пить кисель прямо в углу, разбавляя его слезами стыда и обиды. И Лада мужественно терпела.

Но в тот день воспитательница сама подошла к ее кровати вместе со своей приятельницей – музыкальным руководителем. Женщины присели на соседнюю кровать. Кровать пустовала – многие семьи после закрытия Комбината уехали из города. Воспитательница осторожно коснулась плеча девочки. Лада, понятное дело, еще крепче смежила ресницы и почти перестала дышать. Но женщина шепотом сказала:

– Ну, хватит притворяться, Малышева. А то я не вижу, как у тебя ресницы дрожат. Если не хочешь спать, то можешь прямо сейчас тихонько одеться и пойти в группу.

Женщины на цыпочках вышли. Полная изумления, Лада встала, натянула на себя платье, колготки и вышла из спальни комнаты. Со всех сторон на нее смотрели такие же недоумевающие глаза, слышался завистливый шепоток. В группе Лада сразу села на свое обычное место за столом и выжидающе посмотрела на двух воспитательниц. Ведь не просто же так ей разрешили нарушить режим.

– Ладочка, а скажи, – нейтральным голосом спросила музыкантша, – твоя мама рассказывает тебе про свою новую работу?

Мать ничего про работу не рассказывала, да Лада и не задавала вопросов. Ей это просто не приходило в голову, как никогда прежде она не расспрашивала родителей про Комбинат. Но сейчас, чувствуя собственную значимость и боясь разочаровать взрослых, она на всякий случай робко кивнула.

– А правда, что в *том* доме целый этаж занимает бассейн? – как-то по-детски распахивая густо подкрашенные глаза, спросила воспитательница.

Лада с готовностью кивала. Почему бы и не быть бассейну? Бассейн – дело обычное, тема в него давно записан, и сама Лада пойдет учиться плавать, как только ей исполнится семь лет.

– А про золотые унитазы и раковины мама ничего тебе не говорила? – в свою очередь задала вопрос музыкальная руководительница.

Лада прыснула в ладошки и в недоумении уставилась на женщин. Шутят они с ней, что ли?

– Ну ладно, – поспешно вступила в разговор воспитательница и укоризненно глянула на подругу. – А про кукол тебе мама тоже ничего не рассказывала? Правда, что там есть целая комната, а в ней – одни только куклы? Уникальные куклы, каждая из которых стоит дороже машины?

– Правда, – с загоревшимися глазами подтвердила Лада. Она про кукол и слыхом не слыхивала, но как-то сразу представила комнату, в которой везде сидят и стоят огромные, в человеческий рост куклы. И целых десять минут рассказывала воспитательницам, какие куклы замечательные, как они ходят, едят, говорят. Неизвестно, поверили они ей или нет, зато разрешили не ложиться, и до конца тихого часа Лада одна с удовольствием возилась в игровом уголке с обычными детсадовскими куклами в рваных одеждах и с частично отсутствующими частями тела.

И едва в следующий раз мать переступила порог дома, как девочка учинила ей настоящий допрос.

– Мама, а у твоего нового начальника бассейн есть?

– Есть, – устало проговорила мать, стараясь с закрытыми глазами расстегнуть пальто. – Куда ж ему без бассейна.

– А унитаза у него взаправду золотые?

– Какие еще унитаза? – рассердилась мама. – Ты где таких глупостей нахваталась?

– Воспитательница сказала... А правда, что в том доме есть большущие куклы, такие как люди?

– Есть, – усмехнулась мать. – Не все большие, есть даже совсем малышки. Но зато безумно дорогие. Хозяин их отовсюду привозит, когда за границу ездит. Хобби у него такое, понимаешь?

– А, наверно, у него детки есть? – догадалась Лада.

– И дети есть. Мальчик на пару лет старше тебя, а девочка – твоя ровесница. И есть еще одна девочка, но она только недавно родилась.

Лада ничего больше не спросила, потому что попросту задохнулась от зависти к своей ровеснице, у которой есть целая комната каких-то невероятных кукол. Мать догадалась о ее чувствах, потрепала по голове:

– Не переживай, в эти куклы все равно никто не играет. К ним и приближаться-то лишний раз страшно. Я же сказала, что они очень дорогие, коллекционные. Эх ты, глаза завидующие...

– Мамочка, возьми меня к себе на работу, – взмолилась Лада. – Хоть бы мне одним глазиком посмотреть на этих куколок!

– Нельзя, – отстраняясь, твердо ответила мать. – И не проси, Лада. Там на воротах охрана сидит, никого чужого не пускает. И хозяин терпеть не может, когда к нему приходят незваные гости.

Про охрану Лада усвоила и никогда больше не стала бы проситься к матери на работу. Но наступила весна, и однажды мать сама вернулась к этому разговору. В среду, 13 мая, Ладе исполнилось семь лет. Мать пришла домой, как обычно, в воскресенье и после ужина как бы между прочим сказала дочери:

– Лада, я договорилась. В среду Артем приведет тебя ко мне на работу. Я хочу лично поздравить мою доченьку с днем рождения.

– А как же охрана? – даже перепугалась Лада. – А твой хозяин? А если меня не пропустят? Арестуют?

– Охрана тебя пропустит, не бойся. Я с ними уже говорила, они такие славные ребята оказались! А хозяин на неделе возвращается домой поздно. Он ведь тоже работает. Ты только в этот день умойся хорошенько и надень свое выходное платье, – на ходу напутствовала ее

мать. – И скажи отцу, пусть он тебе волосы в хвостик соберет, косички-то у него не очень получаются. Ну, договорились?

– Договорились, мамулечка! – горячо закивала Лада.

Наступила среда. Лада проснулась на рассвете, хотя точно знала, что в садик ее сегодня не поведут. До звонка будильника лежала в постели, вся в предвкушении необыкновенного дня.

Вот раздалась звонкая трель, сонно заворочался под одеялом Тема. И в тот же самый момент в детскую, лучась счастливой улыбкой, вошел отец. На вытянутых руках он нес большую коробку, обтянутую золотой фольгой и с красным пышным бантом поверх этого великолепия.

– Ну что, дочка, с днем рождения тебя. – С этими словами отец осторожно пристроил коробку в ногах у Лады. – Это вот тебе материнский подарок. Семь лет – серьезный возраст, но мать сказала: пусть поиграет еще, значит. А вот это – от меня! Как будущей школьнице...

Отец повернулся спиной к кровати и присел на корточки. Не сразу Лада поняла, что на спине у отца висит забавный рюкзачок с розовым Микки-Маусом на ярко-голубом фоне. Лада взвизгнула от восторга, но все же коробка привлекала ее куда сильнее. Прижав рюкзачок к животу, она вцепилась в коробку и принялась развязывать ленточку. Как ни торопилась, но упаковку сняла аккуратно – еще пригодится. Потом, замирая, подняла крышку – и задохнулась от восторга.

В коробке лежала кукла. Ее очаровательное личико было Ладе уже знакомо. Неделию назад девочка увидела ее в витрине «Детского мира» и упростила мать зайти в магазин и позволить ей хоть одну минутку подержать красавицу в руках. Купить Лада и не просила: кукла наверняка стоила огромных денег, да и мать никакого внимания на игрушку не обратила, а только напомнила Ладе, что она в этом году идет в первый класс и о куклах пора бы уж позабыть. И вдруг – такой невероятный подарок!

– Спасибоочки! – закричала Лада и повисла у отца на шее. Наконец-то окончательно растаяла облачко недоверия к отцу, и снова мир стал прост и светел.

До возвращения брата из школы Лада играла с новой любимицей. А потом начались суетливые сборы. Сначала Лада тщательно вымылась под душем и сама надела свое лучшее платье и белые колготки, купленные матерью уже к школе. Потом отец с братьями взялись за ее прическу. Артем зажимал в кулаке волосы, отец разглаживал щеткой и пытался избежать «петухов». Даже Мишенька помогал – держал на вытянутых руках бант. Хвост получился так себе, но времени на возню с волосами больше не оставалось: позвонила мать, сказала, что ждет их. Куклу Лада решила взять с собой.

Артем и Лада, крепко держась за руки, вышли из дому и пошли к автобусной остановке. Автобус этот гордо звался междугородним, потому что ездил между двумя маленькими городками, разделенными только небольшой рощицей. Но для Лады, которая никогда никуда не ездила, даже такое путешествие было целым событием. Примерно на половине пути брат с сестрой с трудом выбрались из переполненного салона и зашагали по хорошо асфальтированной, петляющей среди деревьев дороге. Через пятнадцать минут впереди показался черный забор, а за ним – огромный терем с остроконечной крышей. Лада замерла на месте и едва не уронила на землю свою новую куклу. Но брат уже тащил ее вперед.

Ворота казались неприступными. Однако Артем не растерялся, нажал на неприметную кнопку, и вдруг откуда-то сверху, словно с самих небес, до детей донесся зычный голос:

– Кто такие? К кому пожаловали?

– Мы к Любове Андреевне! – закричал брат, и его рука непроизвольно до боли сжала ладошку сестры.

Лада хотела возмутиться, но и сама от страха не могла даже вскрикнуть.

И тут створки ворот начали медленно разъезжаться. В проеме появился человек, похожий на партизана из фильмов о войне. На шее у него висел самый настоящий автомат. Оглядев застывших детей, человек громко захохотал:

– Да не пугайтесь так! В своих не стреляем! Ну и кто у нас сегодня именинница?

– Она, – указал брат на оцепеневшую Ладу.

И вдруг человек отклеил руки от автомата, достал откуда-то большую конфету в ярком фантике и протянул девочке. Потом сказал:

– Ну, беги к мамке, она уж заждалась. Вон, на ступеньках дома стоит.

Лада попятилась от страшного незнакомца, сжимая в кулаке конфету и взглядом пытаюсь найти мать. Брат остался стоять у ворот.

– А ты чего ждешь, пацан? – спросил его охранник. – Заходи, ты тоже на сегодня в списке приглашенных.

– Чего я там не видел, – себе под нос пробурчал мальчик.

– Да и оставайся, если так, – вроде как обрадовался охранник. – Мы с тобой обход территории совершим, потом в картишки поиграем.

– Сигнализация покажете, как действует? – оживился Артем.

– Сигнализация, говоришь? Да я тебе такие чудеса покажу – последние достижения охранной техники. А ты беги! – снова обратился охранник к Ладе. – Да скажи матери, что я ее по телефону упрещу, когда, значит, хозяева назад поедут. Тогда сразу – срочная эвакуация, ясно? То есть бросаешь все дела и бежишь вприпрыжку к воротам. Хозяин у нас шутки шутить не любит. Усекла?

Лада кивнула и со всех ног бросилась к матери. Та с ходу подхватила ее на руки, расцеловала, спросила, понравилась ли ей новая кукла. Как будто об этом нужно было спрашивать!

– Кушать не хочешь? – улыбаясь, спросила мать.

Лада затрясла головой.

– А что хочешь?

– А походить по дому можно? – жадно спросила девочка. – А бассейн можно посмотреть? А где дети, они дома сейчас?

– Походить по дому можно, – ответила мать. – Только заходить в комнаты, пожалуй, не стоит. Бассейн посмотреть я попозже сама тебя отведу. А дети дома, но видеть их нельзя – они сейчас учатся.

– Так они в школе? – разочарованно протянула Лада.

– Да нет же, глупышка, они здесь, в доме, занимаются с проходящими учителями. Поэтому не суйся за закрытые двери и по коридорам не топай, ладно?

– А самая маленькая девочка где? Можно мне с ней поиграть? – с последней надеждой спросила Лада.

– Господи, что за ребенок такой настырный! – всплеснула руками мать. – Она ведь на самом деле совсем еще крохотная. Кто же тебе позволит к ней даже прикоснуться?! Ладно, пойдем, покажу тебе...

Они поднялись на второй этаж этого диковинного дома, который больше всего напомнил Ладе местный Дом культуры – такие же колонны и лестницы. На цыпочках подошли к закрытой двери, и тут мать подхватила Ладу под мышки и подняла так, что та на уровне своих глаз увидела маленькое круглое окошко в двери. Прильнула к нему – и увидела чудесную комнатку, светлую, почти без мебели. У окна стояла детская кроватка под кружевным балдахинном. Рядом на низком диванчике сидела совсем молодая женщина с круглым веселым лицом и держала на руках крохотное создание в розовом комбинезончике.

– Это ее мама, мама, да? – горячо зашептала девочка.

– Да нет же, это няня, – ответила мать, опуская ее на пол. – Хозяев сейчас дома нет. Так что погуляй по дому, пока они не вернулись. Я доделаю свои дела и найду тебя.

Мать ушла, оставив Ладу одну в этом огромном доме, и девочка вдруг поняла, что ей совсем не хочется по нему бродить. Все здесь пугало ее, все было странным, чужим, неприветливым. Даже бассейн смотреть не хотелось – что она, бассейнов не видела? Девочка пожалела, что не пошла вместе с матерью. Но делать было нечего. Лада решила прямо в коридоре поиграть с новой куклой и дожждаться возвращения матери. Она опустила куклу на ковровую дорожку, так что пластмассовые ноги почти утонули в невероятно пушистом алом ворсе, и сказала густым басом:

– Так, дочка, а теперь давай-ка поучимся ходить. Если упадешь – тебе не будет больно. Но падать все равно не надо.

Она так увлеклась, что не услышала шагов за спиной и не заметила, что за ее возней наблюдает полная круглолицая девочка с черными кудряшками на лбу. Кожа девочки была слишком бледной, губы пухлые и вялые. Зато черные юркие глаза так и прожигали Ладину спину.

Но та была слишком занята с куклой, чтобы смотреть по сторонам. Опомнилась, когда услышала над своей головой чужой надменный голосок:

– Кто ты такая и почему пачкаешь наши ковры?!

Лада вскочила на ноги, подхватила куклу и во все глаза уставилась на незнакомую девочку.

– Кто ты такая, ну? – грозно повторила та, не давая ей опомниться.

– Я – дочка Любви Андреевны, – потрясенная наглостью девчонки, пробормотала Лада. – И я пришла к ней в гости.

– Ка-а-кой еще такой Любви Андреевны? – в нос протянула чужая девчонка. – Это Любки-горничной, что ли?

– Не смей так называть маму! – насупилась Лада.

– А что это за уродина у тебя в руках? – никак не прореагировала на ее запрет незнакомка. – Гос-споди, ну что за страшилище! Ты на какой помойке ее подобрала?

– У тебя и такой нет! – гордо объявила Лада и крепко прижала к груди родительский подарок.

– У меня нет?! – Черные глаза девочки чуть не вылезли из орбит, брови и вовсе уползли под кудрявую челку. – Да у меня такое есть, что ты увидишь – и умрешь на месте от зависти. Давай иди за мной! – И она уверенно зашагала по коридору.

Лада так растерялась, что закусилась губу и молча потрусилась следом.

Они остановились перед одной из дверей. Девочка немного замешкалась на пороге, потом оглянулась на Ладу и торжественно распахнула обе створки. Лада вошла – и оцепенела на пороге.

Комната, очень большая, даже больше той, в которой обитали малышка с няней, была вся заполнена куклами. Большинство из них сидели в стеклянных витринах по периметру комнаты. Почти все были величиной с небольшого ребенка, и на какой-то миг Ладе показалось, что в комнате полно заколдованных детишек. Эти куклы лишь отдаленно походили на тех, которые Лада привыкла видеть в витринах магазина. Их лица словно светились изнутри нежнейшим румянцем, сияли широко распахнутые глазенки, губы, казалось, вот-вот зашевелились, и Лада услышит, о чем куклы говорят между собой. Она не смела пошевелиться от ужаса: а вдруг хозяин дома специально заманивает сюда детей и превращает их в кукол?

А черноволосая девочка чувствовала себя совершенно спокойно и по-хозяйски прогуливалась между игрушек.

– Можно... подержать одну? – униженно прошептала Лада.

– Бери, – сквозь зубы процедила девочка.

Лада огляделась и с благоговением взяла в руки ту куклу, что была к ней ближе остальных, сидела на расписном детском стульчике. Это был пупс в голубом комбинезоне, удивив-

тельно похожий на ребенка, которого держала на руках няня. Лада положила его на руку и почувствовала нежнейший шелк пушистых волос. Казалось, пупс смотрел ей прямо в глаза из-под наполовину прикрытых густыми ресницами глаз. На миг Ладу охватило чувство, близкое к религиозному экстазу.

– Смотри не испачкай, замарашка, – тревожным голосом вмешалась хозяйка всей этой роскоши. – Ты вообще руки сегодня мыла?

В этот момент Лада словно вышла из транса и почувствовала, что чаша ее терпения на сегодня переполнена.

– Не смей обзывать, – зашипела она. – Я маме скажу!

– Ой, да пожалуйста! – даже обрадовалась девочка. – По-твоему, что мне Любка сделает? Она же у нас просто при-слу-га, поломойка!

– Не смей так говорить про маму! – взвилась не сдержавшись Лада.

В следующее мгновение она схватила пупса за ногу и запустила им в направлении нахалки. Девочка взвизгнула и присела на корточки, пупс пролетел над ее головой и с шумом врезался в стену. И Лада увидела, как брызнули в стороны мелкие розоватые осколки.

Последовала минута абсолютной тишины. А потом девочка, не вставая на ноги, завопила так, что у Лады заложило уши.

– Что ты натворила? – орала она. – Отец теперь всех поубивает! Это же его кукла, она же тысячи долларов стоит! Нам с братом даже прикасаться к таким запрещено!

Лада посмотрела на нее – и тоже начала плакать. Когда прибежала мать, обе девочки уже с трудом могли говорить и утопали в слезах.

– Лада, Марина, что случилось?! – с порога закричала мать. – Что вы вообще делаете в этой комнате?

– Я не виновата! – взвизгнула девочка, которую, оказывается, звали Мариной. – Это все она!

– Лада?

– Я куклу уронила, – сквозь всхлипы простонала Лада. – А она взяла и разбила-ась!

Мать подошла к противоположной стене, за ноги подняла несчастного пупса, показала его девочкам. Лада тихо охнула – у пупса больше не было лица.

– Уронила? – уточнила мать.

– Ну бросила! А чего она обзывается!

– Не реви, Марина. – Мать мимоходом потрепала чужую девочку по плечу. – Ты тут совершенно ни при чем. Можешь вообще не говорить отцу, что заходила в эту комнату. Иди к себе и до возвращения родителей приведи в порядок свое лицо.

Марина сразу успокоилась и с мрачным торжеством посмотрела на Ладу. Потом выско-чила из комнаты.

– Что же теперь будет? – тоскливо спросила Лада.

– Ничего не будет, – отмахнулась мать, поспешно собирая в фартук осколки пупса. – Вероятно, работы у меня тоже теперь не будет. Ну, да нам не привыкать. А ты иди вниз, умойся и жди меня. Звонил охранник – хозяйева будут через полчаса.

От этого известия Лада вздрогнула и бросилась вниз по лестнице. И вдруг, пробежав пролет, со всего разгона в кого-то врезалась – ведь глаза ее все еще были полны слезами. И замерла на месте, ожидая новых неприятностей.

Мальчик, на которого она налетела, зашатался на ступеньке и чудом не упал, сумев в последний момент уцепиться обеими руками за перила. Он был такой же темноволосый и черноглазый, как Марина, только худой, с длинными руками и ногами и чуть смуглее сестры. Лада попыталась проскользнуть мимо: от этой семейки она больше не ждала ничего хорошего.

– Подожди! – вслед ей крикнул мальчик. – Ты вообще кто такая?

- Никто! – миная пролет, буркнула Лада. – Отстань от меня!
- Ты ведь тети Любы дочка, правда? Почему ты плакала? Тебя что, Маринка обидела?
- Нет. – Лада приостановилась и низко опустила голову. – Я куклу твоего папы разбила.
- Какую куклу?
- Не знаю. Такой смешной пупсик в голубом комбинезоне.
- Мальчик по-взрослому покачал головой:
- Это не пупсик. Это кукла из коллекции английской королевы, одетая по ее собственным эскизам. Катастрофа!

Последнее слово он, впрочем, произнес достаточно спокойно.

- Я знаю, – буркнула Лада. – Маму мою теперь уволят из-за этой вашей куклы!

При этих словах лицо ее снова свела судорога, и девочка бросилась бежать, не желая показать братцу противной Марины, в каком она отчаянии.

Внизу ее нагнала мать, наскоро вымыла дочке лицо и проводила до домика охраны. Там передала брату, который вместе с охранником разбирал какую-то смешную штучку, похожую на маленький телевизор. Артем с явной неохотой оторвался от своего занятия.

– Скажите отцу, что я, наверно, вечером вернусь домой, – сказала мать напоследок. И пояснила для сына, в ответ на его удивленный взгляд: – Лада знает почему.

На этом визит закончился. Конечно, Лада со страхом ждала, что дома ей сильно достанется за содеянное от отца и день рождения ее не спасет. Но отец к новости отнесся спокойно, даже сказал задумчиво:

– Что ж, может, оно и к лучшему. Нечего твоей матери там делать. Пусть уж лучше дома сидит. Ничего, протянем как-нибудь! – И отослал дочку в детскую.

Там Лада вдруг обнаружила, что ей больше совершенно не хочется играть с новой куклой. После того, как ей удалось несколько мгновений подержать в руках того чудесного пупса, кукла выглядела просто дурнушкой и была засунута в шкаф к другим надоевшим игрушкам. До ночи Лада слонялась без дела по квартире и ждала маму. Но та так и не пришла, зато позвонила отцу по телефону. Поговорив с ней пару минут, отец смущенно подозвал Ладу и сообщил:

– Мать велела сказать, что все в порядке, придет, как обычно, в субботу вечером. Ложись-ка спать, доча.

И Лада, вздыхая, поплелась в постель. Этот день, так долго ожидаемый, совершенно вымотал ее и поселил в душе чувство непонятной тревоги.

В воскресенье, когда мать наскоро переделала все дела и присела рядом с дочкой на диван, Лада задала ей вопрос, который мучил девочку всю неделю:

- Мама, а этот твой хозяин очень ругался, когда узнал про куклу?
- Не то слово, – усмехнулась мать.
- Он что, сильно кричал на тебя? – испуганно пролепетала Лада.
- На меня – не сильно. Как обычно.
- А на кого?
- Ты непременно хочешь все знать? – каким-то странным голосом спросила мать.
- Хочу, – кивнула Лада.
- Хорошо, я скажу. Сын хозяина сказал отцу, что это он разбил игрушку. Ему и досталось больше всех.

– Что с ним сделали?

– Выпороли, – резко ответила мать. – Благодарю Бога, что ты живешь в семье, где не практикуется такой способ воспитания. Я не хотела сначала тебе говорить, но думаю, ты должна знать и навсегда запомнить, что из-за твоей несдержанности пострадал хороший невиновный мальчик. Я даже не успела ничего сказать хозяину. А потом уже не имело смысла: за ложь Коленьке еще сильнее бы досталось.

– Его зовут Коля, да? – сочувственно спросила Лада.

– Да, Николай. В семье его называют Ника. И, пожалуйста, не нужно рыдать. Просто сделай выводы.

Лада сползла с дивана и поплелась в детскую. До позднего вечера она думала о Нике. Представляла, что в тот день она не ушла домой с братом, а спряталась в огромном дворе и сумела спасти мальчика от ужасного наказания. А потом они подружились и стали играть вместе. Вот Лада в своих мечтах приводит Нику в свой двор, знакомит его с другими детьми. Вот они вместе сидят за партой в первом классе. Нет, это не годится, мама говорила, что хозяйский сын старше ее и уже учится. Но это не важно, они могли бы играть на переменах и после уроков. В этих мечтах Лада и уснула.

Весенние и пара летних месяцев пролетели без особых волнений. Но вот в первую субботу августа мать сильно задержалась на работе. Дети уже лежали в постели, братья крепко спали, а Лада все прислушивалась, не заскрепит ли ключ в замке. Она чувствовала, что отец тоже беспокоится, потому что слышала, как он без конца ходит по квартире, дымит сигаретой, и уже несколько раз принимался звонить куда-то. Потом Лада все-таки задремала, а проснулась оттого, что – о, счастье! – в прихожей раздался мамин голос.

– Прости, Гришенька, – чуть задыхаясь, торопливо говорила мать. – На работе полный дурдом, думала, на эти выходные уж и не выберусь к вам.

– Что там у вас? – спросил отец напряженным, скрипучим голосом, каким всегда говорил с матерью о ее новой работе.

– Неприятности. – Мать слегка понизила голос. – У хозяина из сейфа пропала большая сумма денег. В обед приехал кто-то, кому он, видно, собирался за что-то заплатить, – тут все и всплыло. Что было! Велел отключить телефон, перекрыть входы и выходы, устроил поголовный шмон и допросы с пристрастием для всех обитателей дома!

– Нашел он деньги?

– Нет, не нашел. Но к вечеру немного приутих. Да что говорить, для него такая сумма – капля в море.

– И ты собираешься завтра вернуться на работу? – спросил отец.

– Конечно. Меня, слава богу, пока не уволили.

– Люба, ты что, не понимаешь, как это опасно? – горячо заговорил, почти закричал шепотом отец. – А если этот бандит тебя назначит виноватой за пропажу денег? Ему ведь законы не писаны! Слушай, не играй с огнем – позвони завтра и скажи, что увольняешься.

– Ох нет, не получится, Гриша, – после короткой паузы отозвалась мать. – Если я завтра вечером не появлюсь на работе, то, пожалуй, и впрямь окажусь виноватой. Мартов еще и конвой за мной на дом пришлет! Но ты не переживай. Хозяин хоть со странностями, но все-таки не идиот, и прекрасно знает, кто мог взять деньги из сейфа, а кто – нет. Думаю, все это попытки выпустить пар, не более того.

Отец помолчал немного, потом спросил:

– А ты ведь знаешь, Люба, кто взял эти деньги, да?

– Скажем так: не знаю, но подозреваю на девяносто процентов, – с легким смешком ответила мать.

– Нужно было сказать...

– Вот уж никогда доносчицей не была! – вроде как обиделась мать. – Да и как можно донести на человека, которому я в общем-то от души сочувствую...

Больше Лада ничего не услышала: родители переместились на кухню. Да и не очень-то ее заинтересовал разговор о каких-то там деньгах.

Успокоенная, что мать дома, она свернулась калачиком и моментально уснула.

Воскресный день прошел как обычно. Вот только Лада слегка простудилась, и мать, уходя около девяти часов вечера на работу, уговорила ее лечь в постель, накрыла поверх одеяла теплым пледом и на прощание, тревожно вздыхая, несколько раз коснулась ее лба прохладными мягкими губами. Уже засыпая, Лада слышала, как тихонько закрылась входная дверь. Больше Лада никогда не видела свою мать живой.

Она все-таки разболелась всерьез и поэтому всю неделю не ходила в детский сад. Мишеньку по такому случаю тоже не водили. А однажды ближе к обеду раздался телефонный звонок.

Отец, молча выслушав сообщение, побелел лицом и начал быстро собираться. Через пять минут он покинул квартиру, бросив напоследок старшему сыну:

– Не знаю, когда вернусь. Смотри за младшими.

Но стоило захлопнуться двери, как Артем вскочил, набросил куртку и торопливой скороговоркой проинструктировал сестренку:

– Смотри за братом и за собой. Мне нужно... в общем, я пошел. Не знаю, когда вернусь. – И тоже исчез.

Лада, застыв на краешке кровати, молча наблюдала, как убывает ее семейство. Сердце так и ходило ходуном в груди. Изумленный Миша испуганно жался к сестре.

Отец и брат вернулись поздней ночью, когда Мишенька уже спал, вдоволь нарыдаввшись и измучив сестру вопросами, куда все подевались и почему их оставили одних. А сама Лада сидела в прихожей на стульчике, чтобы сразу продемонстрировать близким всю степень своего страдания и обиды. Но отец и внимания не обратил на ее печальное личико, только спросил без всякого выражения, скидывая ботинки:

– Почему не спишь? Тема, уложи ее. – И ушел на кухню.

Брат потащил упирающуюся девочку в детскую.

– Где это вы были так долго?! – рыдала Лада, цепляясь на ходу за дверной косяк. – Не лягу, пока не скажешь! Я маме пожалуюсь, что вы нас с Мишей одних дома оставляете!

И вдруг застыла в испуге: такое лицо сделалось в этот момент у брата.

– Молчи! – зашипел он, оглядываясь на приоткрытую дверь и грубо закрывая девочке рот ладонью. – Ни слова о матери! Отец и так на грани.

– Почему? – вырвавшись и освободив рот, шепотом спросила Лада.

– Нашу маму арестовали, понимаешь? – зашептал ей в ухо Тема. – Ну, это значит посадили в тюрьму, – пояснил, увидев расширившиеся от ужаса и недоумения глаза девочки. – И не смей никому об этом говорить, особенно Мише. Отца тоже ни о чем не спрашивай. Мы сегодня пытались добиться с ней свидания, а потом ходили в *тот* дом. Отец хотел сам поговорить с хозяином, но он к нам даже не вышел. Охранник, сволочь, прогнал нас, еще и оружием угрожал. Ну, ничего, мы завтра снова туда пойдем. А ты спи, и без тебя сейчас хлопот хватает.

Как будто после таких слов Лада могла уснуть! Последующие дни и ночи слились у нее в один бесконечный и неисчислимый промежуток времени. Сначала отец и брат на целые дни исчезали из дому, все время находились в какой-то лихорадочной деятельности. Тема даже по ночам кричал и вскакивал с постели. А потом все как-то замерло.

Никто больше никуда не бежал, отец и брат ходили по квартире медленно, словно оцепеневшие. Лада немного успокоилась и решила, что все плохое закончилось. Пока зашедшая вечером соседка не сказала ей, что ее мама умерла и что завтра состоятся похороны. Лада не заплакала – она просто впала в ступор и сидела не шевелясь, пока соседка по-хозяйски рылась в шкафчике, подыскивая детям подходящую одежду.

На похоронах отец почти все время держал ее на руках, а если опускал на землю, то Лада стояла неподвижно и не проявляла никакого желания подойти к гробу или к вырытой и уже наполовину заполненной мутной водой могиле...

А потом началась жизнь без матери. Впрочем, никакой жизни не было, она словно остановилась, застыла, как бывает, когда пленку в кино заедает на самом интересном месте. Отец целыми сутками сидел на кухне и не обращал никакого внимания на детей. Если маленький Миша пытался его тормошить и что-нибудь просить, отец отводил его ручонки и говорил всякий раз одно и то же:

– погоди, вот скоро приедет твоя тетка, ее и попросишь.

Тема, как мог, ухаживал за младшими, готовил еду, бегал по магазинам. Начался сентябрь, но никто так и не отвел Ладу в первый класс. Кажется, домашние просто забыли об этом. Да и сам Артем в школу уже неделю не ходил, но даже этого отец не замечал. А потом отец с братом стали все чаще исчезать из дому, то вместе, то поодиночке...

Однажды Лада неожиданно проснулась среди ночи. Наверно, ее разбудил какой-то звук, непривычный для этого времени суток, поэтому девочка села на кровати, трясаясь от страха, и громко окликнула старшего брата. Ей никто не ответил, только захныкал во сне Мишенька. Лада вскочила с кровати, прошлепала по полу босыми ногами и изо всех сил хлопнула ладошкой по выключателю. И сразу увидела, что постель старшего брата пуста, хотя вечером он лег спать в одно время с младшими. Вот отца тогда еще точно не было дома.

Смутно Лада припомнила какое-то шевеление и шум за дверью. Наверно, эти звуки ее и разбудили. Она выбежала в прихожую, осмотрела кухню, осторожно приоткрыла дверь в родительскую комнату. Везде было темно и пусто. В кухне еще стоял густой вонючий дым отцовских папирос. Девочка вернулась в свою кровать, сжалась в комочек под одеялом и тихо заплакала от страха и одиночества. Она даже не сомневалась, что и отец с братом покинули ее навсегда, как мама, и больше никогда не вернуться.

Наверно, она все-таки задремала, потому что подскочила на своей кровати, как перепуганный зверек, едва стукнула входная дверь. Кто-то вошел в квартиру, но никаких разговоров в прихожей она не услышала. Шаги сразу удалились в сторону кухни. Несколько минут девочка лежала неподвижно, сгорая от желания узнать, кто пришел. Прислушивалась. Вот, кажется, включили воду в ванной. Звук привычный, успокаивающий. Но все равно на душе было беспокойно.

Минут через десять она все-таки не утерпела. Девочка сползла с кровати и на цыпочках выбралась из детской. И застыла на секунду, едва не закашлявшись от странного удушливого запаха, стоявшего в прихожей. Зажала нос и рот ладошкой и, борясь с тошнотой и кашлем, прокралась по коридору к кухне.

Дверь на кухню оказалась наглухо закрытой. Сквозь матовое стекло Лада сумела различить две фигуры – и почти успокоилась. Кажется, ее близкие все-таки вернулись домой. В одном месте стекло немного откололось, образовав небольшую щель – к ней Лада, присев на корточки, приоткрыла одним глазом.

Она увидела отца: он сидел на табурете, сильно подавшись вперед, словно у него болел живот. левой рукой он крепко прижимал к груди какой-то сверток, и на долю секунды Ладе вдруг почудилось, что это разбитый ею пупс, завернутый в тряпки. Но разглядеть толком она не успела: подошел брат, наклонился над отцом и почти силой забрал у него сверток. У Темы почему-то были мокрые волосы, ворот рубашки намок и потемнел. Брат поставил на стол миску и начал полотенцем водить по рукам отца. Лада потрясенно заметила, что руки у отца совершенно черные до локтей, и белое вафельное полотенце немедленно приобрело такой же черный цвет. Отец глухо застонал и отвел руку сына.

– Пора, – сказал, точнее, прохрипел он. И с усилием поднялся на ноги.

Лада бросилась прочь, на цыпочках добежала до детской и забила под одеяло. Отец и брат, стоя в коридоре, о чем-то напряженно и тихо спорили. Кажется, отец возражал, а Тема – уговаривал. Потом ей показалось, что в детскую на секунду приоткрылась дверь. Под одеяло

пополз тошнотворный запах. Кто-то тихонько коснулся ее волос, и она услышала шепот брата, зовущего ее по имени:

– Лада! Проснись!

Но девочка изо всех сил сжимала ресницы. Было слишком страшно, да и непонятно, зачем брату потребовалось будить ее среди ночи. Может, догадался, что она выбегала в коридор, и теперь ее ждет наказание? Лада даже дышать перестала от ужаса перед неизвестностью, так неумолимо вошедшей в ее маленькую жизнь.

И брат вскоре отстал от нее. Не смея открыть глаза, девочка слышала, как он зачем-то прошел в глубь комнаты, задержался там немного, а затем вышел из детской и плотно прикрыл за собой дверь. Ладе показалось, что ступал он теперь как-то тяжелее, но сперва она не догадалась, что это могло значить. Когда хлопнула входная дверь, она пять минут лежала в темноте, тяжело переводя дыхание, как будто избежала какой-то ужасной опасности. А потом, вдруг сообразив что-то, вскочила и бросилась к постели Мишеньки. Пошарила по ней руками – и зарыдала от ужаса: постель была пуста.

Утром Лада проснулась от звонка в дверь. В детской было темно, полоска между неплотно задернутыми портьерами лишь слегка посерела. Такого на ее детской памяти никогда еще не было. Никто не приходил к ним в гости в такой ранний час. Впрочем, подумала девочка, может, давно уже был день или даже вечер. Ведь теперь ее некому будить по утрам. Она осталась совсем одна.

Лада хорошо усвоила, что никому нельзя открывать дверь, если дома нет взрослых. Поэтому лежала не шевелясь, а звонок продолжал дребезжать, с каждым разом все резче и продолжительней. И вдруг она услышала шаги – мимо ее кровати, шлепая по полу босыми ногами, прошел старший брат. А ведь Лада даже не сомневалась, что в квартире она одна.

Девочка прислушивалась к странным звукам из прихожей. Пришедшие – их явно было несколько – говорили грубо, требовательно, а потом и вовсе распахнули дверь в детскую.

– Тут у нас кто? – спросил резкий мужской голос.

– Это мои младшие брат и сестра, – отозвался Тема каким-то смиренным, жалобным голосом. – Не надо их будить, пожалуйста, они очень сильно болеют...

– Разберемся, – перебил мужчина. – Так, а отец где отдыхает?

– Отца дома нет.

– И давно ли?

– Вчера вечером он не пришел домой.

Лада тем временем сделала себе щелочку, потихоньку выглянула из-под одеяла – и испугалась еще больше. Чужих мужчин в комнате было трое, и двое из них были облачены в милицейскую форму. Ее брат стоял перед ними почти голышом, в одних трусах, низко опустив голову и дрожа всем телом.

– Показывай, где обычно отец спит, – распорядился другой, высоченный, в синем свитере.

Брат пошел к двери, двое мужчин – за ним следом. Тот, что в свитере, остался в детской. Секунду он неподвижно стоял посередине комнаты и глубоко, с присвистом дышал, будто принюхивался. Лада наблюдала за ним из-под смеженных ресниц. Вдруг мужчина резко приблизился, наклонился над ее кроватью и приподнял край одеяла. Лада успела закрыть глаза, но он потряс ее за плечо и сказал, улыбаясь одними губами:

– Здравствуй, девочка. Не бойся меня. Скажи, когда ты последний раз видела своего папу?

– Вчера, – прошептала Лада.

– Что? Не слышу, говори громче, – раздраженно произнес мужчина. – А ночью ты его, случайно, не видела?

– Нет...

– А брат, брат-то, он всю ночь здесь был или, может, под утро появился?

– Какой брат? – насчет Миши Лада и сейчас не была уверена.

– Старший, ясный перец! – проскрежетал мужчина.

– Всю ночь, – уже уверенно, входя во вкус вранья, сказала Лада. – Он еще ночью воды мне приносил, потому что я пить очень захотела.

– Уверена?

– Угу.

Тут в комнату снова вернулись Артем и милиционеры.

– Ничего, – доложил один.

– Кто бы сомневался, – усмехнулся остававшийся. И вдруг обратился к брату: – Ты в чем на улицу ходишь? Принеси сюда живо все шмотки, до единой. Волгин, помоги ему.

Брат и один из милиционеров вышли в прихожую и почти сразу вернулись: брат нес в руках куртку и джинсы, милиционер сопровождал его налегке. Человек в свитере осторожно брал одну вещь за другой, подносил к самому носу, брезгливо кривил тонкие губы. Потом спросил:

– А куртка что такая драная? Новой родители не справили? Или забыл принести? А что, девочка, – он резко склонился над Ладой, – есть у твоего брата другая куртка?

Лада хорошо знала, что новая куртка у брата есть – они еще с мамой вместе ее покупали. И джинсы брат принес старые, из которых давно вырос. Вчера на нем были другие. Но она решительно замотала головой:

– Нету...

– Может, малого разбудить? – робко вмешался один из милиционеров.

И Лада поняла, что Мишенька все-таки дома.

Человек в свитере посмотрел в сторону детской кровати, пожевал губами, скривился:

– Толку от него! Вон, даже от шума не просыпается!

– Братик болеет, вы не будите его, – поспешил вставить Тема.

– Ладно, с этими юными партизанами мы после разберемся, – махнул рукой мужчина. – Кстати, они что, одни тут остаются? Надо будет какую-нибудь комиссию сюда подослать да оформлять ораву в детский дом. А, Волгин?

– Не надо комиссию, – вновь зазвучал голос Артема. – За нами сегодня или завтра тетка приедет. Она нас к себе в Питер увезет.

– Ну, это мы еще посмотрим, куда она вас отвезет и в каком составе, – сказал мужчина, и в голосе его металлом забряцала угроза. – С тобой, парень, я точно еще поболтаю. Вот только сначала батьку твоего в лесу выловлю. Он ведь в лес подался, угадал, а? Ничего-о, у нас тут не тундра, не спрячешься. Все, уходим.

И визитеры разом покинули квартиру. Мишенька так и не проснулся, а Лада сидела на кровати, не в силах пошевелиться от ужаса перед страшными людьми, которые зачем-то отправились ловить в лесу ее отца. Она хотела заплакать, но вместо этого из груди вырывались сиплые вздохи. Брат вдруг присел на краешек ее кровати и впервые в жизни неловко погладил сестру по голове.

– А ты молодец, – сказал подрагивающим голосом. – Быстро сориентировалась. А за папку нашего не волнуйся – фигурки они его поймают!

Сказал – и начал торопливо собираться куда-то. Лада ни о чем уже и не спрашивала – привыкла к тайнам.

Но едва за старшим братом захлопнулась дверь, она взялась за младшего. Для начала растолкала Мишеньку, посадила его в кровати, не давая снова рухнуть на подушку. Но Миша продолжал спать сидя: голова болталась на тоненькой шейке, маленький рот отчаянно кри-

вился, но у малыша не хватало сил даже заплакать. Лада все-таки добудилась его и тут же задала вопрос:

– Где ты был ночью? Зачем папа и Тема взяли тебя с собой?

Миша несколько минут смотрел на старшую сестру без всякого выражения в круглых глазенках и будто не до конца понимал, откуда она взялась. Потом вдруг на измученном личике его появилось испуганное выражение, и брат обеими ладошками зажал себе рот.

– Ну, Мишенька! – уговаривала его Лада, стараясь оторвать маленькие ручки от лица. – Ну, я же твоя сестра, скажи мне, пожалуйста! Где наш папа? Что вы делали ночью?

Но Миша продолжал свою странную пантомиму: закрывал руками рот и мотал головой. Не выдержав, Лада толкнула брата кулаком в грудь и вскочила на ноги.

– Не скажешь?! – в бешенстве закричала девочка. – Мне, твоей родной сестре?! Ну, так я тебя за это ненавижу! Ненавижу!!! – И бросилась вон из детской.

Тетка действительно объявилась в их доме на следующий день, ближе к вечеру. Она оказалась женщиной микроскопического росточка, очень полной, с длинным носом и вздернутой верхней губой. Это делало ее похожей на какого-то зверька из отряда грызунов. Тетка ходила по квартире и дергала носом, как будто ко всему принохивалась. И раз за разом тяжело вздыхала. Она подошла к застывшей на диване Ладе, долго рассматривала ее со всех сторон, а потом вдруг спросила елеинным голоском:

– Ты какие-нибудь буквы уже знаешь, детка?

Лада промолчала. Ей совсем не хотелось говорить с этой странной теткой, да еще о каких-то буквах. Та долго ждала, вздыхала и переступала короткими ножками, надеясь получить ответ, а потом обратилась к Теме:

– А она не больная у вас? В умственном развитии не отстает?

– Не отстает, – твердо произнес Артем. – Она у нас только в последнее время такая стала.

Тетка со стоном вздохнула и пошла изучать Мишеньку. Несчастный малыш так настрадался в последние месяцы от своей заброшенности, что охотно пошел к ней на ручки, крепко обхватил за шею. Тетка размякла, и дальнейшее обследование квартиры совершала, крепко прижимая к груди ребенка. Обойдя все помещения, сказала:

– Хорошая квартира. Жалко, что придется бросить, у меня-то вам будет тесновато. Ну, ничего не поделаешь, детишки, начинайте собирать вещи. Завтра в обед у нас поезд.

До этого Лада и не предполагала, что им придется покинуть родительскую квартиру. Но спорить с теткой не стала, как и не принимала никакого участия в сборах. Только равнодушно наблюдала, как тетка засовывает в баулы ее платья и некоторые игрушки. Та громко ворчала, что платья все рваные и изношенные, хоть сейчас на выброс. Лада знала, что ее хорошие платья, не дождавшись стирки, так и лежат скопом в корзинке под ванной. А тетка паковала старые, которые мама привела в порядок и сложила в шкаф, собираясь, наверно, отдать кому-нибудь из приятельниц, а может, просто пожалела выбрасывать.

Игрушки тоже были нелюбимые, случайные. Но Ладе было все равно. Она безучастно позволяла старшим делать с собой все, что им взбредет в голову. Только до последней минуты все надеялась – а вдруг вернется папа и прекратит эту странную кутерьму.

Но отец не вернулся, и в полдень следующего дня они все так же спешно покидали старую квартиру. Тетка вызвала такси, сперва долго торговалась по телефону, а потом вдруг развела невероятную суету. Роняя сумки, всей гурьбой выскочили во двор. Мишенька громко ревел, наверно, боялся быть позабытым в спешке. А Лада по-прежнему ни на что не реагировала.

Но во дворе произошло еще одно странное происшествие, последнее в этом городе. Едва подъехало такси, как во двор вбежала молодая женщина, очень худая, с измученным лицом

и темными длинными волосами, в беспорядке разметавшимися по плечам. Она бросилась им наперерез, схватила Тему за плечи и стала трясти, давясь словами:

– Скажи, куда вы ее дели?! – кричала она. – Я знаю, что ты был *там* вместе с отцом. Я никому тебя не выдам, мальчик, не бойся! Я молиться на тебя стану! Скажи только, где она! Такое маленькое тельце... но специалисты сказали... что-то ведь должно было остаться! Не бери такой грех на душу, мальчик, у тебя тоже есть сестра!

Артем молча дергался в ее руках, как тряпичная кукла. И вот тут тетка впервые показала свой характер. Шагнув вперед, она одним движением вырвала племянника у женщины, затолкала к себе за спину, потом развела свои коротенькие ручки, крестом загоразивая детей, и пронзительным голоском завопила:

– Уходи, ведьма, нечего тебе тут! Ничего мальчик не видел и не знает! И не смей мне, слышишь, не смей прилюдно клеветать на ребенка!

Незнакомка, отступив на пару шагов, словно разом обратившись в каменное изваяние, без слов смотрела, как они кладут в багажник вещи, как усаживаются в машину. Когда же такси выехало со двора и помчалось по проспекту, тетка вдруг проговорила громко и удовлетворенно, словно подводя итог:

– Ишь ты, о грехе заговорила, ведьма! Раньше нужно было об этом думать. Око за око, а зуб за зуб, милочка.

Десять лет спустя

Была у тетки одна особенность – она свято блюла семейные традиции. И очень любила их создавать, чтобы впоследствии не отступать ни на шаг от их досконального соблюдения.

Одна из традиций была следующей: в день смерти матери, которую при жизни тетка так ни разу и не повидала, навещать ее могилу. И каждый год в середине августа сначала начинались шумные и очень хлопотные сборы, за ними следовала поездка в полузабытый приволжский городок. Приезжали всегда на неделю – именно такой срок тетка считала приличным, чтобы «погостить у Любочки», а также обстоятельно прибраться на могилке и всласть поругаться с кладбищенскими работниками из-за обнаруженных недостатков.

Ладу эти поездки просто приводили в бешенство. Конечно, она понимала, нужно время от времени навещать могилу матери. Но разве для этого недостаточно одного дня, возможно, даже несколько раз в году? Зачем же нужно целую неделю торчать в этом ужасном городке, где нет ни одной приличной гостиницы и в котором у Лады немедленно начиналась депрессия, грозившая вылиться в нервный срыв?

Сегодня, в десятую годовщину, тетка, как обычно, стояла у оградки на первом плане, собрав подросших племянников за своей широкой спиной. В леопардовой накидке – август теплом не баловал – с широким норковым воротником, совершенно поглотившем шею и нижнюю половину лица, тетка выглядела комично, но внушала уважение своей спокойной монументальностью. Лада старалась держаться в стороне – с теткой они в пух и прах разругались еще в самолете. Покусывала губы, сердито озиралась по сторонам и морально готовилась к предстоящей недельной пытке.

Ей было бы легче, если бы хоть однажды кто-то поговорил с ней о событиях десятилетней давности, рассказал, что тогда произошло с их семьей. Но после той страшной ночи Лада навсегда отучилась задавать вопросы. Она не спрашивала – ей и не говорили. Наверняка близкие считали, что ей все равно.

Вот тетка взяла ее за плечо, потянула за собой в сторону широкой аллеи. Парню, что стоял у могилы рядом с Ладой и дернулся за ними следом, она приказала сквозь зубы:

– Подожди нас на выходе, Андрей!

Лада молча пошла рядом с теткой. Та сперва тоже молчала, а потом вдруг спросила жалобным голосом:

– Да ты помнишь мать-то, Лада?

– Конечно, тетя, – кивнула девушка.

– Скучаешь по ней?

Лада с удивлением покосилась на родственницу, пожала плечами. Конечно, временами ей очень не хватало матери. Но все случилось так давно... будто в другой жизни. Иногда Ладе казалось, что прежняя жизнь ей просто приснилась и что у нее никогда не было ни отца, ни матери. Только братья, с которыми она почти не общалась, да тетка, надоедливая, болтливая, взбалмошная, но все же привычная, родная.

– Ну ладно, – мотнула головой тетка. – Я про другое с тобой хотела поговорить. В гостинице я нам с тобой, как обычно, большой двойной номер сняла. Другой номер – для мальчиков. Пусть твой Андрей селится где хочет, не бедный, чай. Специально узнавала, сколько Темка ему платит. А то, может, он рассчитывает с тобой в одном номере поселиться? – Тут тетка грозно насупилась. – Я этого не допущу. Слышишь меня, Лада?

– Слышу. Он и не рассчитывает. Наверно...

– Конечно, он мужчина ничего себе, – принялась размышлять вслух тетка. – Хорошо и то, что он отвалил от тебя этих уродов, этих твоих клубных знакомых. Только уж очень серьезно он за тебя уцепился. Не нравится мне это. Сразу видно, что человек уже все распланировал. И теперь хоть плюй ему в глаза, все вытерпит, а тебя к алтарю все-таки поведет.

– И что в этом плохого, тетя? – равнодушно уточнила Лада. – Ты каждый день твердишь, что только и мечтаешь, как бы поскорее сбыть меня с рук.

– Не пара он тебе, вот чего, – с плеча рубанула тетка. – Одно дело, если бы ты в возрасте была или, не приведи господи, залетела бы невесть от кого в этих твоих клубах поганых. А так зачем же? Хуже ничего нет, чем купленный муж. А если он столько лет тебя выхаживать станет, да еще от других баб воздерживаться, – тут уж держись. Отыграется потом на тебе по полной программе.

– Не отыграется, тетя, – лениво, разомлев на душистом солнцепеке, протянула Лада. – Я вообще замуж еще долго не соберусь. Зачем мне?

– Ты, может, и не собираешься, – сердито бормотнула себе под нос тетка. – Да он, хитрец, похоже, все уже за вас обоих решил.

Но тут в конце аллеи она заметила парня с тележкой и метнулась следом – устраивать ему разнос за ветки на могиле. Девушка вздохнула с облегчением и побрела по аллее в обратную сторону. Тетка с ее разговорами она с трудом переносила.

Привыкнув не задавать вопросов, Лада не спрашивала, да и не слишком задумывалась о том, как случилось, что жизнь их маленькой семьи так стремительно менялась год от года. Сначала, только приехав в Питер, дети вместе с теткой ютились в одной комнате в огромной коммуналке на Васильевском острове, и тетка ежедневно вела затяжные битвы за племянников с постоянно пьяными соседями. Лада в те дни и из комнаты почти не выходила – так боялась чужих людей. Если ночью ей хотелось в туалет, то нужно было сначала разбудить Тему, чтобы он провел ее по бесконечному темному коридору, а потом постерег под дверью. Обычно Тема успевал заснуть, сидя на корточках и припав головой к стене, и Ладе приходилось снова трясти его и будить...

Через несколько лет у них появилась отдельная квартира, сначала двушка, потом – другая, в которой у каждого была отдельная комната. Но и в ней они задержались не надолго. Теперь жили в собственном доме в Зеленогорске, Артем, кроме того, имел свою квартиру в Питере, на Петроградской стороне. Загородный дом был слегка нелеп, потому что строили его по проекту, лично составленному теткой, зато с огромным участком и с окнами на залив.

В школе Лада не блистала успехами, не отличалась прилежанием, поэтому последние несколько лет практически находилась на домашнем обучении. К ней ездили из Питера преподаватели и тщетно пытались пробудить в девушке хоть какой-то интерес к наукам. Артем одно время носился с идеей отправить ее учиться за границу, но потом на это дело махнул рукой. И объявил тетке, что Ладу, похоже, придется выдать замуж сразу со школьной скамьи – чтобы не переводить деньги и нервы на высшее образование.

Если бы Ладу спросили, в чем таится источник их нынешнего благосостояния, она бы, конечно, сослалась на старшего брата. Тема вот-вот закончит институт и уже руководит вполне успешным бизнесом. Но бизнес появился у него через год после окончания школы, а семейство и без того несколько лет уже далеко не бедствовало. Но об этом Лада, как и о множестве других вещей, попросту не задумывалась.

Тетка на все кладбище ругалась с работниками, которые, по ее мнению, плохо приглядывали за могилкой, хоть и было им щедро заплачено. А Лада отыскала у ворот кладбища терпеливо ждущего ее Андрея.

Мужественного вида парень двадцати двух лет от роду в общем-то нравился ей. Андрей был светловолос, хорошо сложен, хорошо одевался и разбирался в дорогом парфюме. На их пару всегда и везде обращали внимание. Ладе было приятно, что ради того, чтобы поехать с ней, он отказался от идеи отдохнуть в какой-нибудь экзотической стране и согласился жить в плохонькой гостинице – других в городке попросту не было.

Но сегодня Андрей явно был не в духе. Он обнял Ладу за плечи, зарылся лицом в ее волосы и пробормотал:

– Что за город, в самом деле?! Представляешь, здесь даже проблематично взять машину напрокат. Такой хлам выдали за весьма нехилые деньги! Прости, конечно, солнце, это же город твоего детства и все такое... Прощаешь?

– За что? – не сразу сообразила Лада. – За город? Да наплевать, я его не помню уже совсем. Глаза б мои его не видели! Если бы не мама... И не тетя!

Андрей вздохнул и поцеловал ее волосы.

– Кстати, – вспомнила Лада. – Тетка велела, чтоб ты вел себя поскромнее и номер снял где-нибудь подальше от нашего. Намек понял?

Андрей ослабил объятия, тяжело вздохнул:

– А ты жестокая, солнце. Неужели думаешь, что я стану домогаться тебя в таких обстоятельствах? Зачем ты говоришь мне такие вещи?

– Это не я, это тетя, – защищалась Лада, недоумевающая, за что сердится обычно непробиваемый Андрей.

– Я знаю, что тетя настраивает тебя против меня, – все больше распалялся парень. – Наверно, хочет выдать тебя за какого-нибудь арабского шейха, не меньше. А я что? – со мной можно не считаться. Наемный работник. Приехал, утешил – молодец, пошел вон!

– За что ты злишься? – напрямик спросила его Лада.

– Да я не злюсь, – отмахнулся Андрей. – Просто, пойми, я, как любой нормальный мужчина, хотел бы иметь хоть какие-то гарантии на будущее. Ладушка, скажи, я могу быть уверен, что ты выйдешь за меня замуж?

– Я не знаю, – растерялась девушка. – Я пока не думала об этом. Ну да, наверно. Может быть.

– Наверно? Может быть? – тихо, словно не веря собственным ушам, повторил за ней Андрей. – Да, твоей тете удалось многого добиться. Кажется, моя игра проиграна.

– Да что я такого сказала? – совсем уж изумилась Лада. – Наверно – это ведь почти да. Мне что, расписку тебе написать?

Попыталась вырваться – Андрей сжал ее так, что стало больно плечам.

– Ну, прости меня, солнышко мое. Просто ты еще очень молода и не понимаешь, что некоторые вещи мужчинам говорить категорически не следует.

– Да я вообще ничего не говорила! – всерьез разозлилась Лада. – Ты вечно давишь на меня!

– Давлю? Я? – трагическим голосом прошептал Андрей. – Зачем ты так говоришь? Чем я хуже тех, с кем ты была готова замутить за один вечер?

– Что? – Лада отшатнулась, вырвалась из его рук. – Так вот ты что обо мне думаешь!

И она бросилась прочь по аллее. Пробежала кладбище, через утоптаный пустырь добралась до города. Завернула в какой-то дворик, и только тогда остановилась. Если Андрей и пытался ее догнать, то давно отстал.

Никакой обиды Лада не испытывала, наоборот, чувствовала себя прекрасно. Даже хорошо получилось, что Андрей сорвался: теперь она может на законных основаниях побыть в одиночестве, отдохнуть от него и от тетки. Набраться сил перед ужасной неделей. Она слегка запыхалась от бега, сердце ее учащенно билось, и было почему-то очень весело, словно она после затянувшейся болезни вышла наконец на воздух и сделала первые шаги.

Помахивая сумочкой, девушка бодро зашагала по улице. Она с удовольствием представляла, как Андрей станет искать ее в этом совершенно незнакомом ему городе и каким ласковым и благодарным будет, когда она соблаговолит вернуться. Только нужно возвратиться до того, как ее хватится тетка, иначе бедному Андрюше сильно не поздоровится. А ей самой придется полночи выслушивать теткинны причитания. Хотя... если окончательно разругаться с теткой, то можно убежать из номера, хлопнуть дверью, а потом протусить ночь с Андрюхой в каком-нибудь местном клубе. И, глядишь, одна ночь из черного списка – долой.

Злорадно улыбаясь в такт своим мыслям, Лада вытащила из сумочки мобильный телефон и отключила его. На оживленной, смутно знакомой площади она купила эскимо на палочке и зашагала куда глаза глядят. Впервые за все эти годы она чувствовала что-то вроде удовольствия от встречи с городом своего детства. Раньше одно воспоминание о нем наводило тоску. А вот, оказывается, при определенных обстоятельствах здесь и дышится легко, и гулять приятно.

Рассуждая так, девушка не заметила, как забрела в совершенно незнакомую ей часть города. Асфальт под ногами кончился, она с удовольствием ступила на мягкую дорожку просторного неухоженного сквера.

Видимо, это была окраина города, потому что за невысокими, спаленными жарой деревьями уже виднелась темная полоса Волги. От воды ветер тянул влажный стылый воздух, заставивший девушку задрожать от холода. К тому же начинались сумерки, а может, это грозовая туча так плотно окутала небо, что казалось – уже вечер.

Лада пошла быстрее, торопясь выйти из сквера. И тут ей отчетливо послышались шаги за спиной – осторожные, крадущиеся. Девушка замерла на месте, завертела головой. Нет, кажется, никого в сквере нет, дорожки пустынные, только колышутся на ветру деревья.

Девушка неуверенно продолжила свой путь. Шагов она больше не слышала – слишком громко пульсировала кровь в висках, чтобы слышать посторонние звуки. Поэтому через каждые два-три мгновения она замирала на месте. Стоять почему-то было спокойнее, чем идти. Но, остановившись в третий раз, она отчетливо рассмотрела высокую грузную фигуру в конце аллеи. Лица в темноте она не видела, но чувствовала – человек смотрит на нее. Лада сделала робкий шаг вперед – колыхнулась и фигура. Бросилась бежать – и услышала топот позади.

Понимая, что убежать от преследователя в босоножках на шпильках ей все равно не удастся, девушка скоро остановилась. Замерла и фигура. Теперь она была гораздо ближе, но все так же скрыта полумраком. Лада лихорадочно соображала, что ей делать. Может, снять серьги и колечки, сложить в сумку и бросить в сторону преследователя? Но что, если он охотится

не за сумочкой, а за ней самой? Стоять долго на месте тоже нельзя. Злодею в любой момент наскучит ждать, и тогда он настигнет ее за пару прыжков.

Лада решила бежать. Сквер, по всем приметам, скоро закончится. Возможно, она успеет если не добежать, то хотя бы позвать на помощь. Там, за сквером, улица, на ней – люди, которые, может быть, захотят ей помочь. Девушка неожиданно крутанулась на каблуках и бросилась бежать так быстро, как не бегала никогда прежде. Назад она больше не оглядывалась, но слышала топот совсем рядом, почти за спиной...

В следующий миг она ощутила пронзительную боль в лодыжке. Правая нога неловко подогнулась, Лада упала на колени и еще пару метров ползла, но уже не вперед, а в сторону, к скамейке, словно та могла ее хоть как-то защитить от того кошмара, что надвигался сзади. Она вцепилась в остов скамейки, попыталась подняться на ноги, но не смогла, а только изо всех сил приникла к влажным доскам...

Прошло несколько мгновений, прежде чем она решила оглянуться. Вокруг было пусто и тихо. Но Лада не сомневалась: ее преследователь рядом, он играет с ней, ждет ее дальнейших попыток спастись. Возможно, сейчас он через кусты пробирается к скамейке, и в любой момент она почувствует на себе чужие руки...

– Девушка! – вдруг услышала она.

Лада дернулась, повернула голову: к ней спешил какой-то человек. Через мгновение он уже был рядом.

– Что случилось? – спросил незнакомец, склоняясь над ней. – Вы упали, поранились?

– Ногу... сломала, – с трудом шевеля языком, сумела ответить Лада. И тут же почувствовала небывалое облегчение. Спасена!

Мужчина – нет, совсем молодой парень, едва ли намного старше ее – опустился рядом на корточки, ощупал ее лодыжку, потом сказал:

– К сожалению, я не врач. Но, кажется, перелома нет. Наверно, просто подвернули. Давайте я помогу вам сесть.

Он ловко подхватил девушку на руки и посадил на скамейку, ухитрившись при этом удержать на весу поврежденную ногу. Теперь Лада смогла его рассмотреть. Он был высокий, худощавый, с темными волосами и смуглым лицом. И вот что удивительно – Лада сразу же вспомнила его, как будто между их единственной встречей не пролегли десять суматошных, полных событиями лет.

– Здравствуйте, Коля, – сказала она. – А я вас узнала.

Парень посмотрел на нее в упор, на секунду задумался, а потом засмеялся чуть хрипловатым смехом.

– А я тоже тебя узнал, тетя-Любина дочка. Прости, но ты ведь так и не представилась мне тогда на лестнице.

– Я – Лада, – сообщила девушка. – А ты, значит, так и живешь в этом городе? Все в том же доме, да? Потрясно, что мы с тобой встретились, правда?

Парень застыл на минутку, потом заглянул в лицо девушки так настороженно, словно засомневался, все ли с ней в порядке.

– Что? – заволновалась и даже слегка покраснела она.

– Того дома больше нет, Лада, – ровным голосом произнес Николай. – Он сгорел. Подчистую. Еще десять лет назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.